

День кончался. Жара утихала.
Становилось темней на дворе.
О, как за сердце песня хватала
На росистой, на ясной заре!

Отлетали бесследно заботы.
Загорались дороги светлей.
Это мать возвращалась с работы,
С пламенеющих, знойных полей.

Над осокой, над мятой, над тмином,
Над рядами талиновых стрел —
Над бескрайно распахнутым миром —
Чище всех её голос звенел!

Уносил он в безбрежность. И в сказку.
В невозможный,
Сияющий
Сон.

Радость слышал в нём, счастье
И ласку!
...Слышу —
Горе, и муку, и стон.

* * *

Блистая твёрдостью суровой,
Пронзая ясностью сквозной,
Лесное, лиственное слово
Стоит в пространстве предо мной.

И простодушно, и сурово.
И горячо. Как свет дневной!
Воздушно-солнечное слово,
Ты где? Меж небом... и землёй?

И обжигаяще тревожишь,
И утешаяще поёшь.
И в небо звать не устаёшь.
...Но приподнять меня —
Не можешь!

...Но и упасть мне —
Не даёшь!

* * *

Шёл я вдоль почерневшего тракта.
Пробуждалась земля ото сна.
Пробивалась зелёная травка.
Где-то в даях гремела война.

И белел березняк на угоре
В ясном свете огня своего.
Было счастье огромно, как горе.
И, быть может, огромней его.

* * *

А теперь поворачивай к Северу.
К низовым, нелюдимым местам.
К горизонту задымленно-серому.
К зеленеющим, глеющим мхам...

Там по сжатому полю широкому
Ветер мечется, резок и скор.
Там угрюмому бору высокому
Откликается пасмурный бор.

Там река полосой стекленеющей,
Молчаливой, бездонно чернеющей,
Раздвигает густые леса.
И сквозит в черноте леденеющей
То ль безропотность, то ли гроза...

ДВА ДЕРЕВА

И размах. И простор, И свобода.
И дрожащей реки тетива...
Разве диво, что вглубь небосвода
Здесь воздушная взмыла листва?

Духоты и огня средоточье.
Истязанья и муки предел...
Разве диво, что камня жесточе
Здесь изогнутый ствол затвердел?

И сошлись в поединке кровавом
Два чужих, не знакомых досель.
И скрестились — две доли, две славы
Двух чужих, незнакомых земель.

— Уступи, я легко и летуче,
И рассветную свежесть даю.
— Отступи. Я черно и колюче,
И несметную силу таю.

— Покорись. Мне природа судила
Украшать зеленеющий дол.
— Преклонись! Я прошло сквозь горнило
Всех земле предназначенных зол.

— Но за мной вековая святыня —
Благодатное солнце моё.
— А за мной — мировая пустыня...
Что-то значит — зиянье её.

* * *

От далёкой дороги усталый,
Я впервые в Москве побывал.
Я Москвы не увидел сначала.
Я увидел огромный вокзал.

В неоглядно вознесшемся зале,
В ярком свете, похожем на мглу,
Пили, ели. И пели. И спали
На скамьях, на тюках, на полу.

Билась радость, томилась обида.
В беглом взгляде мелькала вина.
За спиной старика-инвалида
Громовая стояла война.

Я на площадь широкую вышел —
Долгожданного счастья глотнул.
Я сначала Москвы не расслышал.
Но расслышал — рокочущий гул.

Необъятно глухой, разноликий,
Обдающий дыханьем густым,
Разнозначный, разноязыкий,
Над землею стоящий, как дым.

Бились скромно звуки, срывались,
Резко дыбились. С разных сторон
Накатившись, скрестились, смешались
Вологодчина, Курщина, Дон.

Обнажив свои дали сквозные,
Все дороги свои и поля,
Вся огромная встала Россия.
Вся безмерная встала земля.

Осетинов, и финнов, и сванов,
И туркменов слились голоса.
Вьсь нагорий — и ширь океанов.
Раскалённые льды — и леса.

И подрагивал купол тяжёлый.
И — как ветер тяжёлый — гудел.
И железный — из рупора — голос
Несгибаемо твёрдо гремел.

* * *

Рассказ суровый о войне.
О чести. Верности. Коварстве.
В другом краю. В другой стране.
В чужом каком-то государстве.

Но что творится в фильме том,
Понять почти что невозможно.
Ужель и вправду всё кругом
Так в мире этом стало сложно?

Иль это автор накрутил,
Чураясь ясности заветной?
И чётко грань не прочертил
Меж силой тёмною и светлой?

Спешат — бегут... Лицом — к лицу!
Сейчас... сойдутся в рукопашной!
И жарко льнёт малыш к отцу:
— А наши... Наши где? Где — наши?

* * *

И тот, кто крутится и лжёт,
И скользко прячет взгляд лукавый,
И подло, мерзостно живёт, —
Желает тоже доброй славы.

И — в жажде ревностной своей —
Пути всё круче пролагает.
И, что ни день, всё ближе к ней.
И — всё верней. И — достигает!

Она поёт, звенит, гремит.
Но... тайным холодом сжимая,
Бесстрастный голос говорит:
— Она — подложная. Чужая.

И он мечтал — не о такой...
Душа подспудная стремится
К глубинной. Истинной. Родной!
Своей? Так он её страшится...

* * *

Не взлетал высоко,
Не пленялся с ходу.
Как зеницу ока
Я берёг свободу.

И не лгал жестоко
Ничему в угоду.
Как зеницу ока
Я берёг свободу.

Я берёг свободу
Как зеницу ока.
Как саму природу!
Как исток истока!

Приосёкся голос.
Всё дымком оделось.
Отошла весёлость.
Отступила смелость.

Ива оскорбилась.
Липа осердилась.
Речка отстранилась.
Гречка отдалилась...

И сама свобода,
Улыбнувшись мило,
Мне пропела гордо:
— Разве я просила?

* * *

В синих полосах белые кручи.
Острый холод в глубоком логоу.
Снег зернистый, шуршащий, сыпучий.
Лыжи узкие тонут в снегу.
Лес звящей струной натянулся,
Вскинул веток застывшую сеть.
Резкий воздух собой задохнулся.
Весь напряжился! Хочет взлететь?
Напряжённая стынет осинка.
Чутко вздрогнет — пушинку стряхнёт.
Огневая шиповника льдинка
Алой сладью во рту обожжёт!

* * *

Свободно опущу поводья —
Ни убеганий, ни погонь.
Пускай же скачет на свободе
Туда, куда захочет, конь.

Поляной солнечно-зелёной,
Сквозь непроглядный лес густой...
Не буду плетью гнать ремённой,
Не буду сдерживать уздой.

Но час настанет — конь устанет,
Лететь откажется стрелой.
Но посреди пути не встанет —
Лишь перейдёт на шаг простой.

Угомонится, смолкнет эхо.
Растают в сумраке пути.
Настанет ночь — устану ехать,
Но не устанет конь — везти!

Но не устанет конь упорный
Своей ночной, своей глухой,
Своей невидимой, неторной,
Своей прямой шагать тропой!

* * *

В хмуром, в сумрачном, в лиственном дыме
Вырос я, в том краю ледяном,
Чьё одно лишь суровое имя
Повергает в смятенье, как гром.

Но когда из гнезда я несмело
Выбирался, вставал на крыло,
Всё как будто уже присмирело
В том краю, безвозвратно прошло.

Посветлел, успокоился воздух —
Бед прошедших развеялся след.
До меня лишь чуть слышимый отзвук
Долетал из промчавшихся лет.

Но невнятный, рассеянный отзвук
Так струился, скользил, шелестел,
Что давно откружившийся воздух,
Будто пламя разряда, блестел.

И река, как в грозу, рокотала,
И листва в бессловесном лесу
На ветру, как душа, трепетала,
И дрожала земля, как в грозу!